

Лето

в

фруктовых
историях

Людга

(Анастасия
Жаляндра)

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Лето в фруктовых историях

«Автор»

2026

(Анастасия Каляндра) I.

Лето в фруктовых историях / I. (Анастасия Каляндра) —
«Автор», 2026

Лето - время фруктовое, что очевидно. Тех ярких красок, которыми фрукты наделены, той их легкости, сочности, свежести, да и пользы конечно же, хочется в жизни в дни жаркие вообще-то во всём. Кто-то фруктами вдохновляется на создание нового и прекрасного в сфере искусства, как некоторые из героев рассказов, что встретятся Вам на страницах этого сборника (да и их автор вообще-то), а кто-то благодаря фруктам встречается с чем-то прекрасным и новым в своей жизни собственной - как, опять же, герои той маленькой книжечки, что сейчас перед Вами. Она очень маленькая - всего лишь из четырёх кратких легких рассказов. Ведь чтение летнее (и написание тоже) литературы, порой тоже хочется сделать чуть более легким и ярким, чуть более сочным и свежим... ну и полезным хотя бы немного конечно же. Не может быть ведь чудесной истории без какого-нибудь хоть, но смысла - хоть мало-мальски полезного. Надеюсь, что Вы для себя его тоже найдете. А может быть - и не один. Приятного летнего фруктового чтения!

Содержание

Чудесная фруктовая закупка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ivolga (Анастасия Каляндра)

Лето в фруктовых историях

Чудесная фруктовая закупка

К началу июля на улицах города наблюдалась огромная перемена в одежде гуляющих. Значительная перемена, в сравнении с тем, как все жители одевались недавно ещё - когда первые теплые дни побуждали достать на свет из гардеробов те, лучшие, летние образы, о которых мечталось всю зиму, и что, конечно же, в памяти были теперь на переднем плане, когда вдруг жара наступила и наконец-то возможность дала нарядиться в те самые, долгожданные вещи. Тогда - как же улицы вспыхнули одновременно цветами приятнейшими и нежнейшими, в которые люди раскрасили себя!.. Словно это не город простой, а цветник, что проснулся с приходом тепла и так свеж, нежен, юн, как рассветное солнце. Какими покрылись бульвары, проспекты, аллеи и переходы метро распрекрасными формами, гранями, линиями предметов тех гардероба, что были носимы тогда самых славных фасонов, какие лишь только имелись в шкафах людских к наступлению лета.

Теперь же - когда, видно, модницы уж достаточно покрасовались и выгуляли хорошенечко самые свои впечатляющие, но не самые, при том, удобные вещи - ситуация изменилась в корне. Теперь пришло время для Золушек вещевых шкафов, что, невзрачные с виду, но ценные качествами своими внутренними, с опозданием, после нарядных сестриц, вдруг являлись на бал. Помогала им добрая фея - практичность. За практичность прощались поношенным, старым, невзрачным (порой и нелепым) вещам их заметные глазу эстетскому недостатки-изъяны. В них было удобно в жару, а поэтому их в жару люди на улицах и носили теперь постоянно. (По многим вещам так сказать можно было, что постоянно не только теперь, а и в прошлые несколько лет, а то даже и десятилетий). Теперь вещи только приятные глазу, похоже уж были совсем позабыты, но вот зато были явлены миру те, что всему телу приятны, а потому всё ещё занимают места в гардеробах, хотя уж давно их пора бы отправить на тряпки. И город к июлю, как следствие, преобразился. Одежда сезонная летняя его жителей уподобилась зимнему снегу, что выпадает воздушным и чистым, но, полежав, превращается в пыльный, слежавшийся в плотные глыбы.

Лишь небольшая нарядная группка людей, что по улицам города в тот день июльский шагала, казалась одушевленным флешбеком из прошлого. Причем, даже мало того, что из прошлого очень недавнего - как то начало сезона жары - а из чуть более... лет на сто-двести эдак, далекого. Семь наряженных и причесанных так, словно что-то в их жизни сейчас происходит особенное, а их жизнь происходит в реальности прошлых веков (восемнадцатого-девятнадцатого или, может, начала двадцатого), либо в сказочной, может, реальности просто какой-то, юных девушек, направлялись с несоответствующими их облику внешнему громоздкими баулами к небольшому леску у конечной трамвайной, где моментально, как будто минуя волшебный барьер - ну, что-то вроде портала из сказки - можно было попасть в мир прекрасной природы, нетронутой человеком, похожей на виды с красивейших идиллических старых картин. Тем барьером был небольшой и невзрачный газончик, покрытый осколками и обрывками чьих-то былых пикников, и от мира природы, волнующей воображение и чувства, отделенный запутанной порослью микрокустов, лопухов и крапивы. Барьер миновав, леди юные оказались у цели: поляна, залитая солнцем и окруженная лесом с одной стороны, ручьем тихим и полем бесхозным с другой - была наконец перед ними и в полном их распоряжении. Не зря Лида высказала предложение, что нужно идти в будний день - в выходные была бы здесь уйма народа

с провизией, пледами, книжками, бадминтоном, детьми и питомцами. Это место у публики местной большой популярностью пользуется - как свой, ближний, очень удобный подручный "загород". Если лень или времени нет выбираться куда-нибудь - так ты, всего-то, возьми, перейди через блеклый газончик, усеянный стеклами и бумажками, пролезь через заросли по проторенным микротропинкам - и ты на природе. Ходи по лесочку, лежи загорай, пикник забавай с друзьями - и вот тебе летнее счастье. Когда эта чудо-полянка людьми переполнена - здесь, правда, могут быть и неприятные тоже моменты: как то, что какой-нибудь пес лопухий, разбегавшись, на "столе" твоём импровизированном пикниковом всё перевернет, когда будет, не видя препятствий, нестись за своею игрушкой писклявой, ну или воланчиком по затылку тебе прилетит ни с того ни с сего, что не больно, но неожиданно все же, а потому может чуть встряхнуть нервы в моменте... ну или компашка чужая какая-то вид тебе на ручей собой полностью перегородит, или место в тени до тебя ещё кто-то займет, или женщина, что с суровым лицом загорает, как труп на свежей траве, настроение перепортит косым своим взглядом на то, как ты мимо проходишь... ну, вот такое вот - мелочи. А в остальном - вообще-то идиллия.

Среди группы причудливо, но весьма эстетично наряженных девушек - есть одна, что рифмуется вообще-то обычно со всеми почти проявлениями месяца июля не только лишь потому, что зовут её Юля, но ещё потому, что она очень теплая (подтвердят Вам все здоровые комары, что мгновенно угадывают в ней особенно подходящее теплокровное и атакуют при всякой малейшей возможности, да те люди, которым однажды хоть посчастливилось на себе ощутить её любовь и заботу, поддержку и дружбу), потому что растения любит во всем их многообразии, да и природу вообще, потому что порой она солнечная абсолютно (с другими людьми) как июль, а порой - льются ливни из глаз (это наедине с собой), как в июле, потому что порой она частью больших, шумных, дружных компаний является и душой их (как летом, в июле в частности, курорты и дачи), но порой остается одна совсем и опустевшая (как летом, в июле в частности, большие города), потому что обычно она одевается просто, невзрачно - так, чтобы удобно и без претензии (как июльские люди), и потому, что она, как июль, что является серединкою года (одной из двух), старается в жизни держать баланс, равновесие и умеренность соблюдая во всем.

Но, хотя она и одевается очень невзрачно обычно - сегодня она куда более даже нарядный и глазу приятный, вообще, человек, чем большинство на июльских улицах. Оделась она так (в свободное, легкое, под винтаж, светлое платье, отделанное милыми очень оборками, кружавками и бантами, да в изящные нежные туфельки) не ради себя. Ради Лиды, которая блогерша начинающая, и которая в магазине вчера засекала распрекрасные всякие фрукты по скидке большой и тотчас набрала их пять килограмм с той лишь целью, чтоб классные кадры заснять на природе с девчонками, в стиле... как там его?.. Юля опять позабыла. Ну, в общем - красивый такой стиль - под сказку, под старину, под каких-нибудь фей лесных, леди из прошлых столетий и всё такое подобное. Лида всех собрала, снарядила всем нужным для сказочного пикника (лишь костюмы девчонки, по Лидиному же заданию, добыли из бабушкиных и своих шкафов личных, да доработали сами), снабдила длиннющими бусами, будто жемчужными, из коллекции собственной (из коллекции всякой всячины, ею на барахолках специально для съемок подобных, весьма эстетичных, собираемой), и вот, ведет теперь, как полководец, подружек по абсолютно свободной полянке, выбирая - где лучше им остановиться. Лидок - боец, личность сильная и решительная (и красивая очень, как Юле казалось всегда - в отличии от нее самой), бесстрашная в начинаниях творческих и свободная от каких-либо комплексов и зажатостей в отношении себя. Полная Юлина противоположность. Но сегодня так Юля своей этой полной противоположности благодарна внутренне за то, что распространила она свое противоположное в жизни влияние и на нее, Юлю, что, кажется - нет роднее и ближе ей человека на свете. Сегодня ей Лидочка словно приемная мать. Мать родная её родила и растила такую - загатою, неуверенной, закомплексованной замарашкой, которую из толпы, с

коей ей так привычно сливаться, можно только лишь по огромным очкам разве выделить и узнать, да ещё по чрезмерной застенчивости - той, что даже для самой серой толпы, слишком уж выдающаяся. Мать приемная - Лида - какую почти ощущает её сейчас Юля - её миру новую абсолютно явила сегодня (а точнее - забытую старую) - воспитала почти уж, за день с небольшим Юлю ту, что почувствовала себя девочкой в коем-то веке - нарядной, красивой, мечтательной, беззаботной, не отягощенной обязанностями, ответственностями, неуверенностями весьма многочисленными, что на нее в родной семье взвалены были и, уж казалось так, никогда с её плеч не падут. Сегодня Юля идет в легком платье красивом по летнему миру и ощущает себя лесной феей. Вокруг нее даже будто природа преобразилась теперь. Она очень сильно любила и флору и фауну с детства. Но только в семье, где все строго, конкретно и по существу (в отношении Юли особенно) - ей пришлось и любовь свою эту - пространную, легкую, нежную и широкую, как поток ветра теплого, что колосья полей и листву лесов гладит так мягко и шелково в безмятежный день летний - сузить до тесных рамок, достаточно четких, толковых и дельных, чтоб родители поняли - как-то всю её втиснуть в них и попытаться в них не загубить. Всё, что могла себе Юля позволить по отношению к миру природы - так это учиться на биологическом и изучать таксономию тщательно, да другие разделы ботаники и тому подобного всякого (уж не буду грузить Вас терминологией в такой легкий для Юли и солнечный день). Но любви было тесно. Она рвалась из тех рамок практической целесообразности, что позволяло одни лишь родительское одобрение. Сейчас Юля чувствует как никогда остро, ясно, что наконец-то её любви выдался шанс хоть немного свободно вздохнуть. Ей открыла окошко чудесная в пробивной своей силе Лидочка, что сама тоже учится вместе с Юлей, но смело при том вырывается из всех рамок, когда только вздумается, и живет так, как сердце прикажет. Сегодня она рамки эти не только лишь перед собой с ноги выбила, но и перед Юляшей открыла тем самым дорогу. Ей, Лиде, это легко. Она выросла и живет в абсолютной любви, понимании родственников и поддержке. Её никогда и ни в чем из дозволенного всем известной моралью не сковывали, ей всегда потакали во всех её прихотях, ей давалась возможность в родительском доме не просто иметь право не подчиняться чужой воле, но подчинять и своей иногда. Она могла требовать, а не просто просить (даже просто просить - в семье Юлечки дикость), могла заявлять свою волю открыто и заставлять с ней считаться (Юле страшно бывало порой, что её взгляд или даже движение неосторожное могут её волю выдать и тем самым навлечь осуждение на владелицу этой постыдной вещицы), могла подчинять жизни мамы и папы - их время и прочие ценные их ресурсы - своим, личным планам, когда это нужно ей было (у Юли и на свои права не было) и знала, уж видимо, на сто процентов, что в чем бы то ни было, её однозначно поддержат, как бы что ни обернулось - ей однозначно и тыл обеспечат надежный и помощь, и абсолютное одобрение. А поэтому Лида, которую топливом, нужным для смелого и уверенного по жизни пути, заправляли и регулярно и щедро, уехала к двадцати своим куда дальше в количестве начинаний, мечтаний и даже уже достижений, чем Юля в свой двадцать один. Всегда Лида старше казалась, чем паспорт её заявлял, а вот Юля - значительно младше, чем значилось в паспортных данных. Теперь же - она, словно, правда, ребенок её, Лидин - так себя Юля почувствовала. Лида-мама, а может быть - фея-крестная, что зажатую Золушку снарядила на бал - в ней раскрыла не только тот факт, что, оказывается, она может быть в другом образе миловидной, почти симпатичной, да и вообще - просто девочкой в тех проявлениях хоть, что порадоваться способна всему тому пришиванию бантиков-ленточек-рюшечек к старому платьицу из секонд-хенда, которое состоялось вчера под экспертным Лидиным руководством - но и то в ней раскрыла, что и любовь Юли к миру никак не вмещается в рамки науки и чересчур черство-надменно-рационального её подхода. Сегодня, впервые за несколько лет, Юле шанс выдается отправиться на природу не как заносающийся над ней несколько распределитель, классификатор, покоритель, постигатель - а как пришибленный перед нею восторгом и восхищением чистым, приниженный наблюдатель, который испытывает несказанную благо-

дарность за шанс прикоснуться к огромному, дивному, непостижимому. Она сейчас чувствует, что наука - сколько бы она ни пыталась постигать и описывать и строение и механизмы природы, не пыталась классифицировать и расставлять всё по полочкам, присваивать названия и подчинять строгой системе, людьми разработанной - никогда не сумеет постичь того дивного свойства природного мира воздействовать на душевные чувства людские, которые сами не могут быть вписаны сухо в таблицу, а потому - и их провоцирующие чудесные факторы тоже. Есть что-то большее в мире природы, чем то, что познать и признать, соответственно, может наука. Как и в самой Юле тоже. Сегодня Юля молчит заворуженно, осознать как-то силу пытаюсь, открывшуюся ей изнутри и снаружи: силу столь безграничную, что вмещать её в рамки людских строгих схем даже не то что бы бесполезно - бессмысленно. Бесконечность нельзя вместить в рамки. А эта сила, по-видимому, бесконечна. Пред ней себя Юленька чувствует столь ничтожной, столь малой, столь слабой и просто растерянной от своей собственной невозможной незначимости по сравнению с величием творения, которого частью сама и является - что заноситься, надменничать, и классифицировать, распределять, раскидывать по отсекам своей, человеческой, иерархии она просто просто не видит смысла. Сейчас она чувствует, что не хочет над миром природы властвовать, подчинять его себе и сознанию своему, что, постигнув хоть малую часть его тайн, возомнить себя может и их повелителем - а хочет сама подчиняться, внимать и смиряться. И это чудесней, чем чувствовать власть. Бесконечная красота дивной, чудной природы творения - будь то флора, фауна или же чувства внутри - не жестока, не зла, не строга. И когда ты становишься ниже её по смирению собственному - ты не чувствуешь ущемленным себя, обделенным, униженным. Ты чувствуешь, что, напротив, расширен в правах, любим, возвышаем.

Юля шла и в восторге чистейшем, смиренном и тихом, благоговейно смотрела на мир, да пыталась прочувствовать и себя и его. Она новая, мир вокруг новый. Вернее - все старое и вот именно старое - такое, из детства - из раннего детства - полузабытое, полупотерянное... Такое, когда она ещё не ниже низкого для себя, а природа, мир вокруг, для нее ещё выше высокого. Жизнь принизила то, что высоким в сознании ребенка, ещё не узнавшего мнения других детей земли, было. Жизнь, в лице ближнего окружения, отучила ценить то, что было чудесного и снаружи - вокруг - и внутри. Жизнь навесила ярлыки на всё то, что душою воспринималось однажды - впервые - так чисто, так объективно, как только и может быть. Когда начинается осознание человеком себя и мироздания вокруг?.. Юля силилась вспомнить: в какой же момент осознание в ней наконец-то сложилось, и тем самым образом именно, какой и теперь остается?.. Ведь было же время - она точно помнит - когда она не создавала себя: принимала как должное и совсем не задумывалась даже о том - какая же она?.. Было время, когда мир вокруг она тоже воспринимала как должное - как большое и тоже лишенное определения "какое оно", почти полностью неизведанное, неизученное ею должное. В какой момент ей сказали, что мир - он такой, а сама она, Юля - такая-то?.. Юля толком сейчас не могла это вспомнить: уж слишком давно это было и слишком, наверное, много времени заняло, чтоб запомнить то так хорошо, как событие единичное. Но когда-то случилось определение это, и вот - с тех пор живет Юля с сознанием, что и мир не чудесен вокруг - нужно только получше его изучить, и все станет в мире банально, понятно и просто - почти примитивно - да и сама она - мир, что внутри - тоже, вовсе, ничуть не чудесна. Её-то и изучать, вот, не нужно, чтобы понять - что она абсолютно не стоящее никакого внимания нечто. Она - примитив, простота и банальность. А с точки зрения биологии - просто набор клеток тканей, которые вместе работают на земле для чего-то - завод эдакий примитивный по преобразованию пищи, воды, кислорода в энергию. Родители Юли всегда признавали научную до последней крайности точку зрения на существование человека. Мол - он лишь продукт эволюции: столь бесцельной, бессмысленной и бесполезной, насколько и может быть только подобный, тщательнейшим образом теоретизированный человеком, процесс движения из ниоткуда в никуда, поглощающий попутно большую массу

ресурсов. Наверное и её они воспринимали как только случайно образовавшуюся мельчайшую частицу бесцельного этого движения, которая родилась в мир зачем-то - чтоб лишь потреблять, разрушать и бороться - и точно так же в какой-то момент и исчезнет, бесцельную свою микро-функцию выполнив в огромном, бесцельно существующем, вселенском организме. Вопрос большой - как они полюбили друг друга при эдакой точке зрения, и как вообще, сыграв свадьбу, родили Юляшу... Хотя может быть, что и не полюбили. Не скажешь по этим двум людям, что вовсе способны они полюбить. Зачем-то создали ячейку общества (видно просто, чтоб выполнить долг пред бездушным гигантским

этим самым организмом эволюции, коего клеточками, обновляющимися всё время на земном кругу, являются по их мнению) и живут вместе просто - бесцельно, без смысла большого, без чувства. Опасность теории, человеку навязанной человеком - в том, что, в конце концов, человек в человеке человека видеть перестает. Видит он обезьяну былую в любом из собратьев своих, а в обезьяне той - простейших беспозвоночных, а в них уж - осколки большого бессмысленно взрыва. А перестав видеть в людях других человеков - сам перестаешь человеком быть. По итогу теория, что пытается доказать то, что был человек не всегда человеком - частично таки добивается результата не в прошлом, а в настоящем: принявший её, хоть не может, на самом-то деле, принятием этим то изменить, что в истории завершено - изменяет то, что ещё длится - себя превращая в сознании из человека в... в то, что он сам там себе представляет. Кто принимает теорию - принимать начинает и постулаты её: про естественный тот же отбор например. Пусть вокруг человека, в реальности основной, настоящей, им принимаемый принцип не будет работать - но человек начнет заставлять его претворяться в реальность подвластную его влиянию - собственную. Начнет во всем выделять и поддерживать, как например и родители Юли, тех из детишек своих, кто сильнее, наглее, настойчивей (как, допустим, брат Юлин Олег, что в семье почему-то считается больше, чем бывшею обезьяной), и затаптывать, забивать звенья слабые, что находятся в зоне влияния принявших теорию. Человек непременно испытывает единение с тем, во что верит. И если верит он в низменное - то становится низменным. Если верит в жестокое и бесцельное - то становится им. Принимает движение бесконечно бессмысленное и беспощадное, а значит - и сам становится этим движением.

Когда оказалась раздавлена этим движением машины бессмысленной Юля?... Когда потеряла под шинами этими чувство чего-то чудесного, большего, высшего?... Когда её из объемного существа превратили, расплющили в обреченное на плоское существование?..

Как бы там оно ни было - ей сегодня не хочется сокрушаться и думать о прошлом, весьма ограниченном. Ведь пред нею раскинулось новое, чудное, бесконечное будущее... или, хоть, если даже не хватит сил жить этим будущим в мире, где так много, все же, влияния прошлого - то хоть краткое настоящее. Сегодня так хочется жить и дышать дивным воздухом, что стремительно хлынул в открытую форточку, что Лидок распахнула в жизнь Юлину, даже не думая, наверняка, о том, что она это действие совершает. Сегодня чудесного хочется, дивного, легкого, высшего, большего - неуловимого только сознанием одним - того, для чего нужно большее, высшее, чудное что-то ещё и внутри. И оно появляется - открывается вновь, оживает. Глядит Юля на красоту, что вокруг, глядит мысленно на красоту, что увидела в зеркале перед выходом из дому, на красоту, что внутри расцветает - и диву дается. И хочется жить. Счастья хочется. Сказки. Чудес.

- Здесь. - остановилась наконец Лида. - Давайте здесь, девочки?... Мне очень нравится вид. И тенек скоро будет. Пока свет хороший - успеем подснять, а уж после спокойненько посидим и в тенечке. Покушаем, поболтаем. Идет?..

Ну конечно идет - кто же против, когда банкет Лидой накрыт?.. Она ведь, как говорится, поляну накрыла - во всех смыслах слова. Ей и начальствовать здесь. Ну, ещё не накрыла, точнее... Лишь начинает ещё накрывать.

Достают из огромных баулов девчонки изящные чашечки, блюдечки, чайнички, ложечки - тоже сокровища Лидиной личной винтажной коллекции с барахолок - которые и занимали в баулах так много пространства, на пару с оберткой их, из газет всяких созданной, чтоб не побились в пути. Есть здесь даже вазочка для цветов и цветы эти самые. Лида хотела, вообще-то, на месте нарвать полевых, но на случай, коль вдруг их там не окажется, или окажутся, но не совсем эстетичные - захватила с собой чуточку из магазина цветочного, что по пути - подходящих на взгляд её блогерский. Есть здесь книжки в винтажных обложках, ещё чуть-чуть бус, чтоб на "стол" положить эстетично, какие-то ножнички даже и брошки под старину, что деталями тоже должны стать красивой картинке, и даже зонтики кружевные по типу тех, что от солнышка закрывали макушки изящных леди былых времен. В общем, будь реквизитором Лида в каком-нибудь местном театре - цены бы ей не было.

И вот уже на тарелочках появляются фрукты и ягоды из столь выгодной и своевременной Лидиной закупки, которые размещает она (ну или за девочками поправляет) на милой посудке со тщанием истинного художника. А какие-то остаются в плетеных корзинках, пока ненарезанными, для создания атмосферы. Корзинки, которые впечатление должны будут создать такое у зрителей, будто в них принесли сюда леди провизию - сами были принесены по отдельности в сумках больших. А та непринужденная грациозная небрежность, с которой они то слегка приоткрыты, то будто оперты на книжку, то, как запарившийся в жару пес, языки свешивают наружу красивеньких кисточек виноградных, иллюзию создавая того, что "переполняются" фруктами, коих внутри почти нет - плод, на самом-то деле, большущих стараний девиц, у которых уже спины ломит сгибаться над этой изящной небрежностью, что все ещё недостаточно выглядит почему-то небрежно, не смотря на весь труд, к ней приложенный. Наконец - внешний вид пикника вроде Лиду устроил, и решено было уж поскорее снимать, пока свет ещё есть, и пока аппетита ещё нет такого, чтоб было всем в тягость смотреть на еду и не есть ничего, кроме как лишь для кадра. Для кадра для эстетичного нужно есть эстетично, а следовательно - и без особого аппетита. Так, словно не ешь, а позируешь. А порой ведь так хочется просто спокойно поесть, не жеманничая и не задумываясь о том, как то выглядит со стороны. Что ж, теперь принялась Лида технику подготавливать - расставляет штативы повсюду, развинчивает, телефоны подружек прилаживает, на которые будет подсьем с разных ракурсов делать. Юля временно не нужна оказалась. И счастлива этому. Пошла пока побродить, пообщаться с безмолвной природой безмолвно... Дошла до ручья с ощущением, что долетела - настолько легко было, радостно, хорошо и светло... От ручья ей повеяло дивной прохладой. Прохлада звучала журчанием его, на перестук ксилофона похожим. Прохлада мерцала искристыми бликами солнца в волнах, столь кристально прозрачной была, что на дне её камушки видно - омытые волнами, чистые-чистые. Она ощущалась как самый ручей, с той лишь разницей, что затекала и внутрь, а изнутри вытекала каким-то источником новым и чудным - струилась в мир чистым и радостным светом. Похоже на сказку всё было здесь. А может быть и была это сказка?.. Юля села на камушек у ручья и вгляделась в бурлящий поток небольшой, что шипел, пенясь и разделяясь вокруг больших уж особенно камушков, что со дна возвышались. Наверное и она сейчас выглядит словно из сказки. Вода слишком верткая и кучерявая здесь, чтоб достаточно хорошо разглядеть отражение - только лишь общие можно черты уловить - цветковые большие, чуть искривленные, пятна. Но в воде отражение видится то, что есть в памяти - отражение из зеркальца дома, в прихожей. Ещё там - в привычной до жуткого, в абсолютно не сказочной и нечудесной до крайности старой квартире, где Юля привыкла быть только посмешищем и помехой - и то уж казалась она искрой, выпавшей из какого-то сказочного огня. Не смотря на убогую обстановку, её вид сегодняшний навевал ощущение чуда и радости - детских таких и

восторженных. А уж здесь - в окружении достойном - среди не менее, даже более чудных ещё декораций, наверное Юля и вовсе как феечка... Как русалочка у воды... Как... как Юля забытая, детская, легкая, настоящая, даже может быть... каплю красивая. Ну и что, что она лишена черт лица абсолютно типичных?.. Как раз, может быть, это сказочности ей ещё прибавляет, когда черты эти чудесным и чистым огнем наполняются. Конечно - они просто странные и нелепые, когда их движениями правят уныние от собственной дурноты, закомплексованность и болезненная застенчивость. Но когда удила берут в руки высокие чувства - счастливые, свежие, абсолютно свободные ото всяческих предрассудков тщеславных, когда забывает о внешности Юля и мыслит себя ни чуть не более виноватой в уродстве, чем нестандартный, разросшийся странно, в отличие от сородичей его, но не менее ценный от этого тихий цветок - то черты те же самым светом естественным озаряются, и нелепости большая часть исчезает - та, за которую неестественность отвечает, внушенными комплексами обеспеченная. Юля смотрит в размытое отражение и вникает в себя и в природу - в то, как дивны в свете блестящие струи ручья, и как удивительно для нее, необычно до крайности, она сама, будто, выглядит чем-то хорошим. Нет - это не любование нарцисса своим отражением. До такого ещё далеко. Это оторопь недоверчиво, изумленно склонившегося над водой утенка, которому только что подсказали взглянуть в отражение. Неужели и правда там лебедь?.. Юля смотрит глазами и чувствами на себя и не может понять: просто чудится, или правда?.. Это точно ещё не нарцисс. Здесь влюбиться в себя - невозможно, немыслимо. Здесь хотя б перестать бы себя ненавидеть. Юля не перестала бы наверняка, если б вдруг что-то светлое и огромное изнутри и снаружи не подсказало сегодня ей, что она заслужила прощения за уродство, которого нет изначально, но всё же которое было в сознании её - заменив там творения чудо творением рук человеческих - тем ещё заслужила, что просто когда-то пришла в этот мир и получила в нем право существовать. Так наверное - она что-то большее, чем потомок приматов, лишенный полезной такой очень вещи, как хвост, раз так чудится, что она самоценное существо - не деталька огромного механизма, работающего без выработки - только чтобы работать, стираться и снова работать, всё время меняться, и изнашиваться, и пополняться изнутри, разрастаться, но от этого не начинать приносить пользы миру вовне. Нет - не деталька огромного этого механизма эгоистичного, что работает сам для себя, как и все его составные. Есть что-то чудесное в Юле, которая нынче открылась самой ей: есть что-то, что в мир пришло как отдельная ценность - не ради других шестеренок, что бессмысленно и неустанно вращаются в общем большом механизме. Есть что-то чудесное в Юле: есть что-то, что в мир пришло как отдельное целое - не для других - но испытывает ощущение она, что внутри столько силы и света и счастья теперь, с осознанием этого, чтобы другим дарить что-нибудь - дарить, делать, стараться от чистого сердца, от полной души - и желание это и сила такая так чувствуются, будто есть они самоценная эта природа её, что пришла в мир сама по себе. Это новое абсолютно слияние с всеобщим. Не обреченное и не вынужденное. Не предреченное ей самой сутью её организма земного, а высказанное той, неосязаемой, частью её, что, будучи абсолютно свободной, стремится по доброй воле творить красоту и добро. Это что-то куда, куда выше, чем просто закон выживания, естественный отбор и генетика. Это что-то противоположное жестокому закону бытия, навязанному Дарвином. Зачем-то она хочет счастья всему, что вокруг - словно это её счастье личное. Для чего?.. Разве нужно ей это для собственного выживания?.. Попадись ей и слабое самое нынче звено на пути - так она, только что осознав себя чуточку более сильным, как раз таки, звеньишком, чем считала всегда - не раздавит, не подомнет, не растопчет, не устранил: ей захочется как-то возвысить, ободрить, помочь, дать надежду. Как объяснить это грозной, суровой науке об эволюции, в которой всё ненадолго приходит, чтоб скоро уйти, и должно лишь за краткий срок получить максимальную выгоду для себя, получить максимальное благо, ценой любой, и в том свой обрести смысл жизни?.. Вот уж Юля!.. Всю жизнь она только и делает, что всем мешает. Теперь, вот, ещё и науке поставила палки в колеса - русалка же эдакая! Вот, сидит у ручья и

утаскивает постулаты привычного ей дарвинизма под воду своих новых чувств, в коих тонут стремительно оные. Но что ей теперь до науки, которая исчезает в пучине вод, отражающих воды небесные и светило их, когда нечто высшее, большее, лучшее ощущается в этих волнах - жизнь сама ощущается?.. Нет, с привычными ей постулатами не отмирает и часть её - оживает, напротив. Обычно прощаться с привычными убеждениями - подобно вмешательству хирургическому: разочаруешься в том, во что верил - и словно часть сердца тебе отсекли. Здесь же - нет. Словно новую даже пришили, что биться, качать кровь тотчас же во всю начала. Почему минус так ощущается ныне, как плюс?.. Может быть потому, что и отняли минус?.. Тогда лишь такое возможно. Только минус на минус даёт плюс может в данном контексте. Но всё же внутри трансформация происходит заметная, а от этого чуточку больно. Конечно же чуточку - словно иголки тонкие плоть прошивают, к ней новую прибавляя - но все-таки. От такой боли, чуть уловимой, захватывать дух начинает, трепещет внутри всё у Юли и слезы накатывают на глаза. Эта боль - как лечение чувствуется, как процедура вправления сустава смещенного у костоправа. Вправляют что нужно, становится всё на места, а поэтому больно немножко в моменте - но после боль исчезает всегдашняя, постоянная, нудная, ставшая абсолютно привычной, но от того ведь не менее губительная.

На волне изменений в пространстве лишь чувствами плавая, претерпевая процесс излечения внутреннего, вся трепещет, трансформируясь, оживая сейчас изнутри - Юля с чудом своим неожиданно и повстречалась.

Чудо было совсем-совсем крошечным, тоненьким, дивно миниатюрным. Оно застряло меж двух камней среди ручья и блеснуло глазурью на солнце.

- Ой, девочки, поглядите-ка! - Юля сама и не знала - зачем сразу выпалила приглашение к её чуду лично присоединиться. Всё то же чувство наверное в ней работу произвело - чувство желания сделать хорошее что-то другим, не смотря на то даже, что ты сама самоценное существо. - Тут, глядите, какое кольцо чудесное!..

Что уж тут говорить о том, что девчонки все, услышав про кольцо, тут же были уже у ручья?.. Такова их девчачья природа. И вообще - человечья. Скажи сейчас Юля: "Смотрите, какая тут бабочка!.." - так уж скоро наверное все не сбежались бы - хоть не меньшее это бы чудо, конечно же, было. Пришли бы две-три из девчонок взглянуть, интереса научного ради, и только. Скажешь людям, что чудо увидел живое, огромное в своей филигранной миниатюрности, дивное, светлое, с крылышками - так им никто почти и не заинтересуется. Чудо это сотворено силой той, что людскому уму неподвластна, а потому и не может описана быть его скудным набором понятий, а потому вмещена быть не может в систему, им выстроенную, а потому не котируется у людей, что и сами ею созданы. Вот скажи человеку, что ты отыскал драгоценность, руками людскими, едва лишь умелыми, созданную - так тотчас живейший то вызовет интерес. Как теперь.

Но была драгоценность у Юли не самая драгоценная по людским меркам, а потому интерес начал тотчас же угасать, только что появившись. Гул удивленных, восторженно-любопытных, заинтересованных девичьих голосов, что сюда, к ручью, несся - уже через пару секунд, сразу после того, как Юляшу успел окружить, превратился сначала в чуть неуверенно умиляющийся (для приличия чисто), а после - и вовсе стал потихонечку затихать и дробиться на части, которые понемногу, ещё озадаченно, недоуменно гудя о чем-то, отчаливать стали от берега по зеленому морю и отправляться назад, к пикнику.

Кольцо никудышное было по меркам людским. Что-то вроде какого-то тонкого, свитого в микроспираль стебелька, как основа кольца, и цветочек - совсем-совсем крохотный, нежный, заместо бриллианта, на нем. Это всё эпоксидкой (скорее всего) заглазированно и, тем самым, сохранено в живом виде - а очевидно, что были цветок и его стебелёк настоящими, не искус-

ственными. Нет - это не драгоценность. Неинтересно. Какая-то просто поделка искусная, но цена ей невелика. Это девочек не вдохновляет, собравшихся вокруг Юли и искренне недоумевающих: чему же это она так немисливо рада, и почему же она с таким трепетом и восторгом им тихо шепчет: "Смотри-иите ка-ко-е!.."

Но вот для Юли кольцо это - да, драгоценно. Оно - словно символ того, что внутри она чувствует - нового, светлого. Такое кольцо это нежное, чистое дивно, живое, ранимое и невозможно прекрасное в тихой своей простоте!.. Оно - как награда за тот новый путь, на который душа её встала вот, только что, полусознанно, полуобдуманно. Оно - словно дар из чудесного королевства, из сказки, которой открылась душа её только что.

- Ка-ка-аая кра-со-тааа!.. Девочки, глядите?.. - едва дышит Юленька на кольцо, что взяла аккуратненько пальцами и теперь нежно вертит в лучах ярких солнечных над ладошкой подставленной снизу, чтоб если вдруг выпадет - так поймать. Нечто очень живое и хрупкое в этом кольце ей почувствовалось - как и в жизни самой. От того и касается она мягко его, лишь подушечками только пальцев - как и всего вокруг тоже теперь: лишь подушечками только пальцев души. Никогда ещё не случалось с Юляшей мгновений такой необычайно волнительной нежности, чуткости, трепетной осторожности к вещи и к миру вообще.

- Ну... надень-надень! - улыбнулась ей весело Лида из-за экрана смартфона, который нацелен на девушку.

Юля едва нашла её среди толпы - как высокий, в сравнении с другими девчонками, источник знакомого голоса - ведь сейчас без очков и с её близорукостью видит то, что вблизи, куда лучше, чем то, что на отдалении. Кольцо много больше имеет деталей сейчас для нее, переливов, нюансов, акцентов, чем люди - непроработанные подмалевки, набросанные на холст поля зрения.

Надела. Вздохнула громко, восторженно, трепетно, когда оказалось кольцо на её живом пальце, соединилось, живое, какое есть, с её жизнью. Глядит на него очарованно, недоверчиво, абсолютно растеряннo и растрогано.

- Во!.. Красота! - бодро прокомментировала Лидок сверху откуда-то, - Вот такой мусор можно ещё на природе разбрасывать, как я считаю. Оно органично. А вот некоторые - ни стыда ни совести - сорят чем попало. Юль, дай возьму, выкину это вот... Весь вид портит. Такой был бы кадр красивый, если б не эта макулатура... Ты посиди ещё так чуть, на камушке - я сниму для контента чуток... - Юля только успела растеряннo оглянуться туда, куда Лидочка потянулась (а это было у самых у Юлиных ног) и откуда взяла ком бумаги какой-то - как кома уже рядом не было. Она его и не заметила, подходя. Так полноценно сегодня захватывал, обнимал и окутывал Юленьку мир красоты, что она не заметила в нем и бумажного этого даже изыана, который, конечно же, должен был ей в глаза броситься, как в абсолютной природной идиллии чужеродный совсем элемент. Она и теперь его полу заметила, лишь слегка удивившись тому, что у самых её ног лежал такой мусор заметный, но незамеченный ею, и продолжала сидеть на своем камне дальше - не потому даже, что получила от Лиды такую сейчас разнарядку, а потому что не в силах была оторваться от созерцания кольца и оторваться от дивной реальности, будто её окружившей, к себе вдруг причислившей, сделавшей частью своей. Казалось сказкой то, как блещут воды ручья, птички в кронах щебечут, колыхается платье подол на ветру, искрится нежно эльфийское это кольцо на живом её пальце, шумит мягкий, гулкий, широкий ветер в ветвях... Юля так не хотела сейчас покидать эту сказку ни долей сознания, что даже слова удивленной и радостной Лиды, которая к ней обращалась с какими-то новыми новостями, дошли до нее не совсем скоро. Но когда только начали доходить - то лицо её сделалось недоуменно растерянным. А когда дошли полностью...

- А... А, тут письмо, да... Да... а-аа... Юль, а это тебе! Да, Свет?.. Да - эт тебе, Юль, на! - Лида, веселая, попыталась вручить ей бумажку помятую очень какую-то. - Или ладно, сама прочитаю пока. - оставила Лидочка эти попытки достучаться до сознания растерянно глядящей на нее, как будто спросонья, подруги. - Слушай!.. - и принялась Лида громко и весело декламировать, - Той, кто найдет колечко фей, я предлагаю руку! Прошу навеки стать моей, быть верным, нежным другом. А я в ответ всегда любить, быть рядом обещаю! Со мною сказку разделить готова, дорогая?.. Я постараюсь жизнь твою, и правда, сделать сказкой. Ты лишь в ответ, как я люблю, люби - вот всё, чем счастлив я буду, жив все дни мои - мне большего не надо! Прошу тебя, прошу: люби. Вот лучшая награда за то, что я тебе, мой друг, дарю тот мир чудесный, где под горячий сердца стук, под пламенную песню души построен будет град блестящий, бесподобный. Резное кружево оград от мира остального тот мир тотчас же отделит, как скажешь "да", мой милый, и царство счастья и любви появится внутри них. Там будем жить с тобою мы, в сиянии света вышем, друг в друга только влюблены... Друг с другом только лишь мы тогда и радость и печаль, да с Небесами станем делить. Скорее, отвечай! Лелейными устами излей целительный бальзам на душу, что так жаждет услышать искреннее "да" - оно сейчас так важно!.. О как. - констатировала Лида, довольная очень прочитанным, - И подписано: "Густав Грей". Даже имя какое-то сказочное, надо ж! Девчонки, видели, да, а?.. Тебя, Юль, принц фей, уж наверное, какой-то зовет замуж! О как!

У Юли лицо стало очень какое-то странное. До невозможности странное. И внутри тоже странно совсем как-то стало. Не верилось в это и одновременно верилось. Да, очень сильно хотелось поверить в то, что действительно чудеса существуют - особенно в день такой и в минуту такую - но чтобы так много чудес и таких невозможных, невероятных, немыслимых! Рассудок боролся ещё против этих чудесных вещей, заявляя по-прежнему, что не может быть этого. Но душа так сегодня возвысилась, так раскрылась, очистилась, расцвела - до письма, до кольца ещё - что ей верилось нынче во всё, что угодно. Хотелось отчаянно верить и... Юля сама даже не поняла - почему - но одновременно и рассмеялась так удивленно, наивно, по-детски, как никогда, и расплакалась. Лида тут со смартфоном извечным своим, что частенько лицо её заменял для того, кто оказывался перед нею, подругу свою успокаивать начала ободряюще, весело, что-то ей боевое внушая, шутовское, смелое, а Юляша почти и не слышала - только чуть слышно чего-то шептала в ответ, вроде: "Нет... нет, не может быть... просто... не может быть... ну... не... не может быть...", а сама, пораженная до глубины души ещё новым открытием, о котором сейчас вы узнаете, всё пыталась открытие это свое объяснить, опровергнуть или, напротив, обосновать как-нибудь, хоть чуть более внятно, чем ощутила его внутри. И открытие это примерно то значило, если перевести с языка чистых чувств на язык слов - что Юля, оказывается, готова любить, очень хочет любить, хоть сейчас "да" готова сказать неизвестному этому, что кольцо ей оставил в ручье, не смотря ни на то, что не знает его, ни на то, что, вообще, сомневается в том, что он существует, да и в том, что она сейчас просто не спит - а ещё, что она жутко, жадно, отчаянно, как никогда в себе этого и не мыслила обнаружить, желает и ждет любви. Да, она никогда не считала, что ждет. Никогда не задумывалась, что любви не хватает. Но вот - только капля откуда-то на нее, может быть совершенно случайно, упала, и ожил цветок, что без влаги влачил свое существование в летаргическом сне, и тотчас же потребовал, пробудившись, у мира вокруг, тонким, слабеньким голоском, тихо, жалобно - еле слышно, но очень настойчиво: "Влаги!.. Воды-ы-ы!.." - ведь теперь, когда больше не спит он, вода просто необходима. Теперь без нее просто невыносимо. Спать, пережить жизнь в сухом состоянии - можно. Жить - просто немыслимо. Юля чувствовала, что отчаянно хочет любви. Без нее жилось долго так, как жила она - словно бы не жила. А ожив - ощущает, что скоро умрет без любви - не сумеет, не выдержит. Эта мука безводная, жажда ничем в обзори-

мом пространстве не утолимая, кроме бесплотных иллюзий, на пару с немислимым счастьем - открыть в себе эту способность - жить истинной жизнью, нуждающейся, как и живой цветок в дождевой воде - в силе любви - заставляла её плакать, плакать и плакать, рождая соленую воду на свет - счастье жизни, с безжизненной этой соленостью смешанное.

Но в какой-то момент пересилил рассудок, который ещё сомневался во всем, как обычно, и заговорил к Лиде Юлиным голосом, почти что спокойным, если б не сглатываемые слезы, которые он подавлял.

- Лид, дай прочту, а?.. Можно взгляну?..

Она потянулась к бумажке, и бумажка была ей дана в руки тотчас же. (Вот бы можно сейчас точно так же с любовью!) И бумажка осмотрена бегло была замутненными влагой соленой глазами. Её покрывали причудливо загнутые, заплетенные в полуорнаменты, буквы, которые походили на текст из собрания сказок старинных. Написано было всё это, конечно же, от руки. И от того, что слова она сказочные о любви не лишь только услышала, а ещё и увидела, да увидела их настоящие вот такие, живые, пропитанные теплом чьих-то заботливых рук, выводивших здесь каждую букву - разревалась ещё сильнее даже, уткнувшись макушкой в письмо и вдыхая бумаги его аромат... Рассудок, рациональный всецело, в письме сомневавшийся и намерение выказавший письмом отрезвить слишком разволновавшуюся что-то душу, пал жертвою своего же оружия. Теперь у него не осталось других веских доводов, кроме как лишь твердить своей Юле настойчиво о том, что наверное это чья-то нелепая шутка, направленная лишь на то, чтобы вдоволь над тем насмеяться, кто купится на такой изощренный обман. Но он этим не многого добивался полезного. Когда осознание такой вероятности до души растревоженной доходило во всей полноте - так хотелось рыдать ей в три раза сильнее, от осознания - какая же бедная и несчастная она, эта душа, раз не может надеяться на любовь даже сказочную вот такую - какого-то выдуманного, несуществующего наверняка персонажа - не то что реального человека... и раз за чувства её растревоженные, этой шуткой взволнованные, над ней лишь посмеются циничные шутники. Было больно в три раза сильнее за себя, и от боли такой ощущалось в три раза сильнее - как прекрасно то счастье: любить и любимую быть.

- Ну Юле-еек?.. Ну?!.. Хорош так реветь, а?.. - утешала задорная Лидочка фоном, - Чего ты?.. Чего, а?.. Скажи, что случилось, хоть...

- Э...этого просто... не может быть... - кое-как ей ответила Юля, чуть-чуть приподняв лицо и с надеждой взглянув на подругу, сознательно переспрашивая так у здорового человека, чтоб он вразумил её наконец окончательно, объяснил, что, и правда, не может быть... но, вместе с тем, и надеясь, что скажет ей здравый тот человек, что конечно же может.

- Ну... почему?... - считав эту надежду интуитивно, замялась Лидок, озадаченное слегка личико которой немного виднелось теперь над прямоугольником смартфона. - Может и может быть. Можт и правда какой прЫнц. Да и ну его!.. Шел бы он со своими такими шутками!.. Ещё плакать тут из-за него не хватало! Ты из-за него, что ли?.. Юль, ну серьезно? А?.. Ты, что, скажи, согласилась бы замуж за невесть кого, если б это и правда была, что ли?..

- Д... да... ко...не-е-ечно... - забыв про приличия разревалась-призналась Юляша и снова нырнула лицом под листок. - Да... Да... Да!.. - повторяла она ещё несколько раз так отчаянно горько, с готовностью, будто пытаясь, и правда, до принца из сказки какой-то, которая где-то здесь, рядом, невидимая, докричаться, дозваться... доплакаться.

- Не-е-е-е-е, Юль... Ну это совсем никуда не годится!.. - опешила Лидочка, - Это как это - за совсем, знаешь, невесть кого и... Можт он некрасивый?.. Не пара нам, а?..

- И я... я сама... я... у... у... уродина... - проплакала из-под листочка та Юля, что, вообще-то, сегодня считать перестала так было уж, но вот теперь, сознавая, что шутят над ней так жестоко скорее всего, а в реальности принца совсем никакого и нет - ощутила опять со всей силой: насколько она... нестандартной, не буду хоть я обзывать уж, внешности.

- Э-э-то кто здесь уродина?.. Это ты, что ль у нас?! - возмутилась Лидок, приподняв лицо Юлино даже решительно за подбородок, - Да какая ж уродина?.. Всем красоткам красотка! Юль, хватит реветь!.. Сейчас тушь растечется - и станешь уродиной, если ещё не была... Давай... прекращай...

- Я... я не красилась... Не потечет... - оправдалась вся красная, виноватая, влажная "всем красоткам красотка", с залипшими на щеках влажных волосами, которые компенсировали тушь растекшуюся, да сполна.

- Так э-это ты ещ-щё даже не красилась?! Это что же такое творится?! Да это же ужас какой-то!.. Девчонки, она и не красилась - а такая красотка!.. Ты что несешь, Юль?.. Какая уродина?.. Да не выйдет уродины из тебя никогда - не старайся, вон то, даже! Любо же дорого, правда, девчонки, смотреть!?. Ну-ка... Ну-ка пошли фрукты есть, поднимать настроение. У Юляши какой-то авитаминоз проявился. Пора подкреплять силы этого организма. Пошли-пошли...

И Юляша пошла. Кое-как отлепили её наконец-то от камня и притащили к "столу", где ещё уговаривали да увещевали, кормили и утешали. И наконец успокоилась Юленька. Потому что любви - даже этой, простой, доброй, дружеской - было ей для начала достаточно - на сегодня - для жизни. И этой любви наконец она разулыбалась, как солнышко, дождиком бурным июльским умытое, и извиняться сто раз начала за такое свое поведение и за то что от съемок всех отвлекла. Но её все заверили в том, что нормально всё, да в конце концов и за дело за нужное принялись - снимать годный контент, но зато уже (благодаря плаксе Юле, которую тут накормили, а заодно накормились и сами чуть-чуть) - не на голодный желудок. Не на голодный желудок изображать равнодушный к еде и чувствительный только к эстетике образ почти каждой девушке удавалось значительно легче.

Остаток дня Юля не плакала больше. Хватило любви друзей для того, чтобы день в настроении хорошем дожить. И кольцо даже, что оставалось на пальце до самого вечера, ведь боялась она его снять и куда-нибудь потерять, ей казалось всё время, оставшееся в этом дне, абсолютно чудесным и светлым и радостным. Сказочным очень каким-то, на то не смотря, что, конечно же, это, наверное, чья-то жестокая шутка, нашедшая свою слишком уж впечатлительную, подходящую жертву. Смотрела украдкой она на кольцо иногда и тепло ему улыбалась. А сложенное аккуратно письмо забрала с собой в рукаве, уж конечно же - пусть просто будет на память... Приятно ведь иногда прочитает эти слова о любви, непонятно к кому обращенные (да ещё в странной форме такой, старомодно-возвышенно-патетичной, рифмованной) и представить, что всё-таки это ей... До конца дня в ней, в общем, не вызвали эмоций особенно отрицательных эти подарки загадочных шутников. Только в самом конце дня, когда уж прошла она по квартире родительской в облачении своем необычном винтажном и на себе их поймала косые и очень неодобрительные, говорящие очень отчетливо, что они думают, взгляды - ей, заперевшись уже в своей комнате, случилось сесть на кровать, поглядеть на кольцо, что не так здесь чудесно блестело уже, как в лучах солнца днем (ну ещё бы - сравнится ли с солнцем та

тусклая лампа в квартире родительской, что оставалась включенной?..) и тяжело вздохнуть, осознавая то, как невозможна в её жизни сказка - любая, малейшая даже. Ведь у нее нету сил эту сказку устраивать самолично под жестким давлением близких, а друга верного для того у нее ещё нет. Все подружки, какими бы ни были они добрыми, милыми, чуткими и хорошими - не в счет: у них свои, девичьи, жизни - ничем ещё не обеспеченные, ни в чем ещё не устоявшиеся, нигде ещё не обосновавшиеся толком - а значит им нужно свои ещё жизни устраивать эти. Откуда в них силы на жизнь её, Юлину, если и на свои не хватает, должно быть, как и у Юли самой?.. Сил, средств, времени...

Сны в ту ночь были очень похожи на то, что творилось внутри нее и наяву: те же самые новые и чудесные ощущения светлые, что мешались с привычною безысходностью и беспросветно тоскливой, бессмысленной той догмой, что ранее занимала в ней место самосознания и мироощущения: всё ни за чем, ни о чем, в никуда, и лишь только борьба существует, в коей мне никогда не быть вовсе никем, кроме как проигравшей.

Пробуждение было со звоном некоторым связано в голове, чуть опухшей от слез вчерашних и от продолжавшихся, как наяву, так и в мире грез, баталий между прошлым и будущим, смыслом и бессмыслицей, счастьем и обреченностью. На какую-то долю ей показалось, что, может быть, это всё сон, да и только - что с ней вчера приключилось. Возможно приснилось кольцо, и письмо с ним, конечно же - тоже... иначе как объяснить сущность дивной загадки, что так тревожила нервы ещё до сих пор?.. Возможно и был пикник по-настоящему, но только она поддалась иллюзорным каким-то мечтам, да ещё припекло сильно солнышко - а по итогу ей и привиделось, что получила она этот странный подарочек из мира фей, быть которого не могло в самом деле?.. Возможно они просто с девочками снимали для Лиды контент и покушали, поболтали, послушали музыку, что после сказочной этой истории было как будто бы, а всё остальное - плод воображения?.. Это только на долю секунды позволило предположить, что теория Дарвина снова сознанием правит. Но после той доли секунды Юляша взглянула на тумбочку, где оставляла кольцо, и сомнения рассеялись. Вот оно - блестит нежненько в утреннем свете, что падает через окно. Бывает и в этой берлоге человека-обезьяны живой, теплый свет, если льется он из огромного мира реального, что системе придуманной человеком не думает подчиняться. Она взяла аккуратно колечко и рассмотрела его хорошенько ещё раз - теперь уже наедине, вдали от чужих взглядов, что и её взгляд влиянием могут своим трансформировать, да подумала - что о нем чувствует. А чувствует, что цветок очень нежный. И светлый. Что стебелёк дивно тонкий, и как его так скрутить нежно можно было в эту легкую, грациозную завитушку - загадка. Потом прочитала письмо. Ещё раз. И ещё. Тоже вдумываясь, замечая - что чувствует про слова эти, в рифму уложенные?.. Почему-то почувствовала, что они... ну, конечно, уж слишком, возможно, какие-то пафосные - но не злые похоже. Не жутко насмешливые. Не насмешливые даже вовсе. Ничто в них её вовсе не оскорбляло. И даже, будь это и злобная шутка по сути своей - но хотя бы самой её жертве она зла, по-видимому, причинить не способна - ведь Юле лишь улыбаться ей хочется, размышлять над ней, вдумываться, трепетать над ней, замирать, любоваться... Хорошая шутка. Не злая. Возможно, что без этой шутки ей в жизни не предоставилась бы никогда вовсе эта возможность: представить хотя бы, вообразить только и испытать, что тебя кто-то любит, да любит настолько, чтоб захотеть сделать частью своей семьи собственной... тогда как она знала только такую семью, что её видеть частью своей не хотела бы. Даже хочется шутникам этим руку пожать и спасибо сказать за такую насмешку незлобную... очень полезную. И подарок, в конце концов, милый. Приятный. Красивый. Тончайший. Чудесный.

Разулыбавшись всей этой истории наконец-то, отправилась Юля позавтракать в кухню, но не успела доесть ещё толком, как зазвонил телефон. Это Лида звонила так радостно, так напористо, так воодушевленно, что даже рингтон пропитался, казалось, насквозь этим чувством и Юлю заставил чуть вздрогнуть, когда зазвучал - так взорвался он на столе рядом бур-

ной вибрацией, словно салют прогремел. И уже очень скоро шагала по улице Юля к подруге, ведь та ей всё про какое-то видео тараторила, которое как-то куда-то там "залетело", и бойко настаивала на том, чтобы Юля его посмотрела в какой-то там соцсети, коей у этой девушки, слишком уж аскетично серьезной, в помине-то не было. По итогу сошлись на том, что придет сейчас Юля, уж лучше, к подруге сама и покажет ей та всё, что хочет.

И вот уже Лида показывает. Что Юля видит?.. Да поначалу-то ничего совершенно особенного: в кадре Дина - одна из девчонок, что были на пикнике - пьет из чашечки, что над блюдечком держит изящно рукой в кружевной белой легкой перчатке. Ну, не пьет, а позирует очень даже приятно и эстетично. Почти и не отличить от того, что действительно пьет, если только не знать, что в действительности никогда Дина - резвая хохотушка-болтушка - не смотрит так долго, задумчиво в даль и не строит возвышенных столь, романтических гримас. Особенно когда чай пьет. Обычно она им так хлюпает громко, болтая про что-то, при этом, без умолку, что уши даже закладывает. А тут вот - вдруг леди такая. Но всё же красиво. Но только когда Лида ей из-за камеры в видео вдруг изрекает: "Динок, стоп! Правей чуть - по свету чтоб выровняться... ещё раз..." - лицо это возвышенно-грациозное на мгновение меняется и выражает - как сильно оно уже утомлено процедурой выравнивания по свету, вероятно не раз уже повторявшейся, как измучена, истомлена, просто выжата... в общем, взгляд на лице этом пару мгновений одно только слово и выражает: "Достала..." - ну, не как-нибудь там по-злому - а так вот, по-дружески.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.